

Истоки гуманитарных традиций народности пулар, проживающей в Мавритании и Сенегале

Ли Джибрил¹

Для внешнего мира Африка ассоциируется с такими понятиями, как «разделы», «конфликты» и «страдания». И даже если они необязательно отражают пессимистическую точку зрения на пути развития этого континента, вековые традиции уважения человеческой личности и проявления высоких чувств гуманности, которые существуют практически на всем Африканском континенте, не могут быть обозначены подобными понятиями.

Отрицательные явления, находящиеся в центре обсуждения вопросов о соблюдении прав человека в Африке, являются доказательством если не неэффективности, то, по крайней мере, расплывчатости позитивных норм, относящихся к тем областям, в которых традиции оказались просто отодвинутыми на задний план.

Этим и объясняется то значение, которое автор придает исследованию гуманитарных норм, бытующих у проживающей в Мавритании и Сенегале народности пулар. Цель данной работы заключается скорее в том, чтобы понять сущность этих норм, чем заниматься их восхвалением; чтобы сравнить позитивные и обычные нормы, избегая их противопоставления. Отсутствие достаточного количества письменных источников по этим вопросам не позволяет должным образом произвести оценку норм, которые можно разделить на две категории: с одной стороны, это нормы, имеющие целью не допустить вооруженного конфликта, а с другой — нормы, регулирующие ведение боевых действий.

Предупреждение конфликтов

Нельзя сказать, что взаимоотношения племенных групп, расселившихся по берегам реки Сенегал, ставшей колыбелью народности пулар, представители

¹ Ли Джибрил — доктор наук, профессор, преподает международное публичное право на факультете юриспруденции и экономики Нуакшотского университета (Мавритания), является также консультантом региональной делегации МККК в Северной Африке.

Статья написана на французском языке.

которой проживают в Сенегале и Мавритании, были свободны от разного рода столкновений и конфликтов¹. *Waak koda*² — один из устоявшихся принципов жизни этой народности, характеризующий — уже на протяжении многих лет — отношения с соседями, которые часто отличались враждебностью. Соблюдался этот принцип и в период колонизации этих стран.

Несмотря на недоверие, которое питали друг к другу живущие по соседству народности, существовало два способа предупреждения конфликтов — их мы и рассмотрим. Речь идет о создании союзов, а также о методах дипломатии.

Союзы

Союзы могли заключаться в политических или военных целях, о которых заявляли публично или умалчивали. Постепенно развивавшиеся отношения, основанные на силе, часто отражали значение, которым обладали в демографическом и военнополитическом плане поселки и деревни, образовывавшиеся и исчезающие на протяжении всей истории долины реки Сенегал. Следует, однако, указать, что в большинстве случаев союзы между различными группами принимали форму браков между членами семей, которые в отдельных случаях ранее были врагами. Созданные таким образом союзы выполняли защитную функцию в отношении свойственников, а также содействовали сближению различных групп.

В силу шаткого равновесия в субрегионе политические и военные союзы заключались особенно часто и имели большое значение. Некоторые историки не преминули усмотреть в этой практике обязательное условие для понимания истории Сенегала и Мавритании. Исследователь из Гвинеи Бубакар Барри отмечал, что союзы, заключение которых обуславливалось теми или иными обстоятельствами, оказали особое влияние на отношения между этими странами, а также на их историческое развитие³.

Кстати, распространенные в средневековой Европе политические и военные союзы сыграли свою положительную роль в мирном разрешении многочисленных конфликтов того времени⁴. Что касается брачных союзов, заключение которых обосновывалось географическим соседством, то они также способствовали поддержанию мира между различными семьями, соединявшимися благодаря таким союзам⁵.

История Fuuta (территории, населенной преимущественно пуларами, которая расположена по обе стороны реки Сенегал и простирается от малийской границы до устья реки на западе) содержит немало тому примеров, один ярче другого. В частности, союзы с представителями народностей уолоф, солинке, серер и маврами являются выразительным свидетельством культурного слия-

¹ A. B. Diop. Société toucouleur et migration. Université de Dakar. IFAN, 1965, p. 15.

² Возможный перевод: «Нужно уметь защищаться, чтобы отстаивать право быть хозяином места, где расположено твое жилище».

³ Boubacar Barry. Le royaume de Walo. Le Sénégal avant la conquête. Paris, Karthala, 1985, p. 421.

⁴ См. C. A. Colliard. Institutions des relations internationales. 8e édition. Paris, Dalloz, 1985, p. 23 et suiv.

⁵ См. M. Dupire. Organisation sociale des Peuls. Paris, Plon, 1970, p. 262 et passim.

ния различных племен, населяющих эту территорию на западе Африки. Хотя такие союзы и не были твердой гарантией мирного сосуществования при любых условиях, они содействовали установлению доброжелательных отношений не только в мирное, но и в военное время. Вспомним и о военных союзах, которые заключал Эль-Хадж Омар в ходе священной войны. Американский историк Дейвид Робинсон отмечает, в частности, что во время своих походов Эль-Хадж Омар «заключал брачные союзы по политическим причинам»¹. Однако Робинсон критически подходит к этому утверждению. Он считает, что слухи относительно источников этой информации, а также противоречивый характер самой информации требуют осторожности при толковании того влияния, которое могли оказать эти союзы на политические отношения шейха с провинциями и империями, находившимися под его властью. Отмечаются и другие формы союзов, в том числе брачные союзы, которые заключали учащиеся мусульманских духовных школ или их учителя во время сезонных странствований².

Дипломатические методы

Многочисленные обмены и контакты, которые пулары имели со своими соседями, способствовали появлению таких важных методов урегулирования отношений, как третейский суд и примирение. Следует, однако, подчеркнуть, что исследования по данным вопросам немногочисленны, и хотя это неизбежно ограничивает возможности анализа самих проблем, это не значит, что существующие работы совсем нельзя учитывать. Методы дипломатии применялись на протяжении всей истории человечества, в частности для урегулирования международных споров, и обойти их молчанием при анализе развития социальных отношений в этой области практически невозможно.

Правоведы объясняют приверженность африканцев дипломатическим способам урегулирования спорных вопросов психологическими факторами и нежеланием прибегать к формалистическим методам. Накал страстей противостоящих сторон часто можно снизить, прибегая к дипломатическим средствам, которым присуще пренебрежение юридическими механизмами со всеми их недостатками. Переговоры, обсуждение, вынесение спорного вопроса на суд старейшин из противостоящих друг другу групп — эти способы более всего подходят для общества, где нравственные нормы и обычай играют решающую роль.

Кроме так называемых дипломатических процедур широко использовался третейский суд, который часто упоминается в исторических источниках. Вспомним хотя бы о том, что именно к такому третейскому суду неоднократно прибегали во время братоубийственного конфликта между Эль-Хаджем Омаром Таллом и Амаду III. Не вникая в детали этого дела, напомним лишь следующее: конфликт возник из-за того, что король Масины укрыл короля народа

¹ *David Robinson. La guerre sainte d'El-Hadj Omar. Le Soudan occidental au milieu du XIXe siècle. Paris, Karthala, 1988, p. 320.* Автор упоминает, в частности, женитьбу на Мариату, присланной из Нигерии в знак примирения, p. 140.

² См. *B. Barry, op. cit.* (сноска 3, с. 57), p. 83; см. также *l'Abbé D. Boilat. Esquisses sénégalaises. Paris, Karthala, 1984, p. 398 et suiv.*

бамбара — сторонника анимизма, которого Эль-Хадж Омар со своим войском пытался силой обратить в мусульманство¹. Король Масины отказался выдать беглеца, и это привело к конфликту. Эль-Хадж Омар направил в Масину своих представителей, которые предложили урегулировать спор с помощью третьей-стороннего суда, но это предложение не нашло поддержки, и Омар Талл вынужден был выступить с защитной речью, принявшей форму заявления, которое приводится в небольшом литературном произведении под названием «*Bayan ta waqa a bayna shaikh umar wa ahmad ibn ahmad*»². Пулары до сих пор часто ссылаются на такую аргументацию как на положительный пример.

Защита Омара Талла основывалась на принципе аналогии: поскольку король Масины встал на защиту неверного, его самого *ipso facto* можно было считать человеком, склонным к неверию. А это означало, что развязывание священной войны против язычника, причисленного к этой категории по аналогии, не должно считаться актом, достойным осуждения как в глазах воинов Омара Талла, так и общественности.

С выдвинутыми аргументами и сегодня с трудом можно согласиться, однако все свидетельствовало о сомнениях, которые предшествовали развязыванию военных действий. Проявленная осторожность как бы служила предостережением. И действительно, война в Масине была для войск Омара Талла одной из самых тяжелых и кровопролитных.

Примирение также занимало важное место в традициях пуларов. Дейвид Робинсон, изучавший священную войну Эль-Хаджа Омара Талла, отмечал посредническую роль, которую сыграл лидер братства Тиджания при урегулировании многочисленных конфликтов в судано-сахельском субрегионе.

К применению силы прибегали в исключительных случаях, даже если попытки использовать дипломатические методы урегулирования спорных вопросов завершались неудачей. Это находит свое подтверждение в пуларской поговорке «*Fuunti laami, buri felli laami*»³. Выражающая миролюбие, которым отличались пуларские традиции, эта часто цитируемая поговорка подчеркивает необходимость диалога и обсуждения в условиях неопределенности, сопряженной с ненавистью и насилием.

Нормы права войны

Именно в ходе войны люди разрабатывают новые методы и средства ведения боевых действий, которые, постепенно приобретая все более разрушительный характер, требуют, в свою очередь, постоянного развития адаптируемых к новым условиям гуманитарных правил. При отсутствии соответствующих правовых норм воюющие стороны всегда могут прибегать к тем или иным обычаям, в зависимости от ситуации.

¹ Более подробную информацию см. *D. Robinson, op. cit.* (сноска 1, с. 58), с. 267 и последующие.

² «Вот что произошло между шейхом Омаром и Ахмедом сыном Ахмеда».

³ «Лучше править, прибегая к дипломатии, чем к силе».

Кроме того, языковое родство являлось дополнительным фактором, определяющим способ применения действующих гуманитарных норм. Как мы увидим ниже, он будет играть определенную роль при применении соответствующих положений в ситуации вооруженного конфликта. В отдельных случаях такой подход, вероятно, объясняется тем, что пулары, особенно в XVIII веке, подчеркивали «различие между высокими умственными способностями, честью и честностью, которые характеризовали их как господствующий класс, и варварским поведением своих рабов (...)»¹.

Проникновение ислама в Текрур в IX веке, а затем его постепенное закрепление в традициях и культуре пуларов способствовало тому, что в военной практике использовались правила с более широкой сферой применения, поскольку они соблюдались всеми верующими без исключения. Такое наложение квазипозитивных и обычных норм позволяло применять санкции. Кроме того, развивался новый тип поведения у комбатантов, уже привыкших оставлять в живых некоторые категории лиц и не наносить ущерба некоторым объектам, а также особым образом обращаться с пленниками, захваченными в ходе военных действий².

Ведение войны

У пуларского воина — *sofa* — были в основном примитивные средства ведения боя: дротики, сабли, стрелы, ружья и т. д. Именно они определяли ход войны, к которой готовились заранее, и подготовка эта осуществлялась на всем протяжении обучения пуларских воинов как правилам ведения боевых операций, так и нормам поведения в обыденной жизни³. Такая практика существовала и в других районах Сенегала. Об этом пишет Иоланде Диалло, подчеркивая, что имелись нормы настоящей военной этики, которым обучали всякого благородного юношу, осваивавшего военное искусство⁴.

Следует, однако, уточнить, на чем основываются эти нормы, и попытаться определить их место среди существующих категорий. И хотя они очень близки к обычным нормам, их нельзя полностью отнести к этому типу правил по двум основным причинам.

Во-первых, военные действия в этом регионе происходили настолько часто, что население само было вынуждено выработать известный принцип *waaw koda*, регулирующий отношения между воюющими сторонами. Таким образом, в основе особых норм, относящихся к периоду вооруженного конфликта, и их возможного применения лежал характер отношений между соседними народностями. Учитывая разнообразие типов отношений, которые поддержи-

¹ D. Robinson, *op. cit.* (сноска 1, с. 58), p. 83.

² См. P. Alexandre. Les Africains. Initiation à une longue histoire et à de vieilles civilisations, de l'aube de l'humanité au début de la colonisation. Paris, Lidis, 1981, p. 267.

³ О том, как обучали законам войны воинов Омара Талла, см. D. Robinson, *op. cit.* (сноска 1, с. 58), p. 117.

⁴ Yolande Diallo. Droit humanitaire et droit traditionnel africain. — RICR, n° 686, février 1976, pp. 69–75.

вали друг с другом населявшие берега реки Сенегал племена, и разнородность местности, где пулары сосуществовали с другими группами, трудно сделать вывод о согласованном, четком и повторяющемся характере этих отношений, что позволило бы классифицировать эти факты и обычные действия одновременно с выявлением *opinio juris*.

Наконец, смена населением района проживания (вызвана ли она поиском новых, более удобных мест или объясняется невозможностью противостоять более сильному соседу) также часто препятствовала упорядоченному развитию установлений с более конкретной сферой применения.

Такие установления, зачастую основанные на прагматическом подходе и вытекающие из военного опыта пуларов, обладают очевидным философским содержанием; они регулируют поведение людей в обыденной жизни и избавляют от необходимости ссылаться на ту или иную правовую норму. Такие понятия, как честь и достоинство, могут иметь более ярко выраженный сдерживающий характер, чем все нормы, вместе взятые, даже если они относятся к позитивному праву¹.

Позитивный характер права может по-настоящему утвердиться только в благоприятной социологической среде. Подтверждением тому служат многочисленные случаи нарушения прав во многих странах, где нравственные и культурные ориентиры оказались смещены. Это касается и Африки, и Европы, и США, и Азии.

Правила, содержавшие лишь зачатки правовых норм, постепенно совершенствовались в соответствии с обстоятельствами. С приходом на эти земли ислама по содержанию они стали приближаться к нормам позитивного права. В этой связи можно выделить несколько норм, позитивный характер которых, очевидно, уже не вызывает сомнения.

1. В соответствии с военными традициями народности пулар вооруженные конфликты обычно начинались после их объявления. Это могло происходить по-разному. Так, в различных империях и населенных пунктах, которые выростали на берегах реки Сенегал, информировать о существовании конфликтов должны были разведчики, функции их были известны, и с ними мирились. Эти разведчики (во многих случаях они принадлежали к касте гриотов) информировали своих вождей о готовящейся войне, что позволяло войскам к ней подготовиться, укрыть соплеменников, которых надо было защитить, а также урожай, и позаботиться о том, чтобы противная сторона не воспользовалась сведениями, которые могут оказаться для нее полезными. Этих осведомителей считали посланцами мира, и именно благодаря им развивались в определенной степени гуманитарные нормы².

2. Когда боевые действия начинались, воины сражались лицом к лицу. Такое поведение было делом чести и достоинства. Среди пуларов не считалась победной битва, выигранная благодаря тому, что неприятеля захватили врасплох.

¹ Один из французских исследователей XIX в. писал по этому поводу, что пулары гордятся тем, что «обогнали [европейцев] в том, что касается разума, правосудия и человечности». *Keledor. Histoire africaine*, цитируется В. Barry, *op. cit.* (сноска 3, с. 57), p. 195.

² Из бесед с известным мавританским социологом Умаром Ба.

Борьба была равноправной только в том случае, если противоборствующие стороны вели честную битву, — об этом еще говорил Пьер Корнель: «Победивший, не подвергший себя опасности, торжествует бесславно». В целом считалось, что даже перед лицом смерти человек должен вести себя достойно и мужественно: «*So neddo ina maaya, yoo maaydu et ndimaagu tum*»¹.

3. Бои в ночное время были запрещены. Плохая видимость ночью нарушала равновесие сил противников. По установившемуся обычаю нужно было строить гримасы вражескому воину, с которым сталкивались ночью. Именно такой смысл заключен в правиле «*Hai so jamma kawrudaa e gano maada, biin dum, duum fofko e hare jeyaa*». Запрещение вести ночные бои существовало и у других народов, например, в Индии. Это отмечал бывший председатель Международного суда судья Нагендра Синг, который писал, что в древней Индии «было запрещено нападать на врага ночью»².

4. Не все могли принимать участие в боевых действиях, и условия набора в вооруженные силы были очень строгими. Как правило, запрещалось сражаться детям, пожилым людям, а также женщинам. Что касается детей, они становились воинами только по достижении возраста половой зрелости, когда получали возможность выполнять внутри группы все функции, присущие взрослым, в том числе — участвовать в войне. Это правило обычно соблюдалось; о нем упоминается в повествовании о битве, в которой с одной стороны участвовал под знаменем «джихада» Альмами Фуута Абдель Кадер, а с другой — князь народности уолоф Амади Нгоне³. Необходимо отметить, что воин должен был быть здоровым телом и духом.

5. Вероломство (*jamfo*) было также запрещено, поскольку противоречило таким понятиям, как честь и мужество. К вероломным действиям относились нападения, которые заставляли неприятеля врасплох, или военные действия, которые велись в нарушение предварительно достигнутой договоренности.

6. В соответствии с принципом «*so dimo riddi dimo haa naati e ngaska fooli-dum*»⁴ спасающийся бегством воин рассматривался как вышедший из строя. Лицо, нарушившее это правило, несло ответственность и подвергалось наказанию, которое выносили его начальники после или даже во время боевых действий в зависимости от серьезности нарушения.

¹ В некоторых случаях соблюдение этого принципа доводилось до крайности. Так, в XVIII в. один из пуларских князей по имени Самба Желлажо Жеежи покончил с собой, доверив жене секрет своей относительной неуязвимости, сохранившей ему жизнь во время различных выигранных им битв, несмотря на уверенность в том, что его жена воспользуется этой информацией, чтобы его убить. Умирая, в оправдание своего поступка он заявил, что не мог не открыть свою тайну, в противном случае его сочли бы трусом: «*Wataa wad maaya, hattaa kam wadde. Hadatami wadde tan ko wataa wad kouaa*», что в переводе означает: «Если я и сделал это, то не из страха перед смертью, а из боязни быть опозоренным». Об удивительной истории Самба Желлажо Жеежи см. O. Kane. La tragique histoire de Samba Gellajo Jeegi qui régna sans avoir été sacré. — Afrique Histoire, n° 7, 1993, p. 60.

² «Les attaques étaient interdites». Nagendra Singh. Armed Conflicts and Humanitarian Laws of Ancient India. — C. Swinarski (éd.). Études et essais sur le droit international humanitaire et sur les principes de la Croix-Rouge, en l'honneur de Jean Pictet. Genève—La Haye, Comité international de la Croix-Rouge, Martinus Nijhoff, 1984, p. 535.

³ См. l'Abbé D. Boilat, *op. cit.* (сноска 2, с. 58), p. 398.

⁴ «Если преследуемый человек ложится на землю, он считается вышедшим из строя».

7. Нападение на сдающегося воина разрешалось только в том случае, если он сам оказывал сопротивление воинам, захватывающим его в плен. Если неприятель сдавался добровольно, физическое насилие над ним считалось борьбой, ведущейся в неравных условиях.

Лица и объекты, находящиеся под защитой

Некоторые категории лиц и объектов находились под специальной защитой. Эту пуларскую традицию нельзя назвать новой. Однако даже если такие же правила защиты, обычно обоснованные здравым смыслом, имелись у других народностей, их психологические и культурные истоки могли быть другими.

1. Так, защита, которой пользовались женщины, диктовалась особыми соображениями. Следует, однако, подчеркнуть, что об этой защите речь шла только тогда, когда женщина не принимала непосредственного участия в военных действиях. Как ни странно, предоставление такой защиты было связано с суеверием. Воины считали, что если первым напасть на женщину, то битву проиграешь. Таким образом, женщина пользовалась этой привилегией не в силу того, что обеспечивала продолжение рода. Тем не менее такое отношение к женщинам твердо вошло в привычку у воинов-пуларов¹.

2. Во время вооруженных конфликтов под защитой находились также престарелые люди. Они были носителями истории своих групп, посредниками при разрешении социальных конфликтов и вообще играли чрезвычайно важную роль в деле сохранения сбалансированных отношений в традиционном африканском обществе. Покойный Амаду Хампате Ба сказал по этому поводу такие известные слова: «В Африке умершего старика можно сравнить со сгоревшей дотла библиотекой».

3. Во время проведения военных операций такой же особой защитой пользовались и дети — символ невинности и залог будущего. Как правило, на них нельзя было нападать. Если же они участвовали в операциях и попадали в плен, с ними обращались милосерднее, чем со взрослыми воинами, учитывая, что они физически слабее.

В более общем плане формирование у воинов уважительного отношения к детям увязывалось не только с военными действиями. Во многих пуларских деревнях родителям и воспитателям рекомендовалось прививать детям любовь к добру и к мирной жизни. У пуларов существует поговорка, подчеркивающая важность такого воспитания: «*So neddo ina woowa, yoo woow jam; goowdo jam suusataa bone*»². В ней отражается мысль, что полезно воспитывать людей в духе мира. Сегодня эта мысль должна опираться на четко определяемые темы национальной культуры, для того чтобы люди, к которым она обращена, легко ее воспринимали.

¹ Из бесед с Умаром Ба.

² «Если и нужно к чему-то привыкать, так уж лучше к миру. Тот, кто привык к мирной жизни, не может любить насилие».

Военнопленные и другие пленники

Определение статуса военнопленного не всегда было одинаковым и часто обуславливалось силовыми отношениями, существовавшими между соседними группами, которые могли противостоять друг другу во время конфликтов. Иерархический и традиционный характер пуларского общества накладывал свой отпечаток на определение статуса военнопленного. У пуларов выделялась благородная каста (*toroodbe*), которая противопоставлялась всем остальным. Такое разделение пуларского общества приводило к существованию двойного стандарта при определении статуса пленного. Так, обычай требовал, чтобы воинов из касты *toroodbe*, принявших ислам, не считали военнопленными или рабами и не обращались с ними как с таковыми. По сути дела не допускалась даже мысль о том, чтобы покорить представителей этой касты силой.

Методы насилия, которые стали применять французские колониальные власти, занимавшиеся работорговлей, вызвали справедливый гнев у Альмами Фуута Абдель Кадера. В мае 1789 г. он писал французскому губернатору: «Предупреждаем вас, что все, кто придет к нам заниматься работорговлей, будут убиты»¹.

Во многих случаях это желание проводить различие между пленниками, по видимому, получало одобрение. Так, один из современников Эль-Хаджа Омара резко критиковал его войска за то, что они нарушили это правило: воины шейха захватили в плен супругу князя Масины Секу Амаду. Действия, которые ставятся в упрек шейху, рассматриваются как недопустимые, что и объясняет суровый тон письма, которое адресовал ему Эль-Бекайе Кунта: «Я слышал, что твои люди обращались с ней, как с рабыней. Свое поведение они оправдывали тем, что имели дело с язычницей. Кто среди этого народа — в последнюю очередь Секу Амаду — является язычником?»²

Правило соблюдать двойной подход к пленным требовало от воюющих сторон обращаться с отдельными пленниками более милосердно на протяжении всего времени содержания их в плену. Что же касается остальных воинов, то с ними обращались в соответствии с положением, которое они занимали в военной иерархии. Каждый случай рассматривался в отдельности.

Выполнение этого правила выражалось также в различных способах освобождения пленных в зависимости от занимаемого ими положения. Если представителей знати и мусульман освобождали в результате обмена или в одностороннем порядке, то остальных воинов оставляли в плену. Они рассматривались как военная добыча и становились слугами при королевских дворах, где с ними в любом случае обращались гуманно. В соответствии с принципами ислама уважение человека, оказавшегося временно или постоянно в положении слабого или уязвимого, является одной из основных норм, действие которой распространяется, естественно, и на военнопленных. В суре 4, стих 40(36), говорится: «И поклоняйтесь Аллаху и не придавайте Ему ничего в сотоварищи, — а роди-

¹ Цитируется Бубакарром Барри, *B. Barry, op. cit.* (сноска 3, с. 57), p. 194 et suiv.

² Цитируется Дейвидом Робинсоном, *D. Robinson, op. cit.* (сноска 1, с. 58), p. 286 et suiv.

телям — делание добра, и близким, и сиротам, и беднякам, и соседу близкому по родству, и соседу чужому, и другу по соседству, и путнику, и тому, чем овладели десницы ваши» (Коран. *Перевод И. Ю. Крачковского*. Уфа, 1991, с. 57–58. — *Примечание редактора*). В соответствии с этим можно, вероятно, рассматривать тот факт, что пленных освобождали в результате обмена или за выкуп.

Вывод

В свете вышесказанного можно сделать два вывода. Прежде всего следует отметить, что применение силы не было закономерным. Желание защитить человека при любых обстоятельствах содействовало выработке у членов группы жизненно необходимой потребности совершенствовать нормы собственного поведения.

Во-вторых, нужно сказать, что нормы, применяемые в период вооруженных конфликтов, были довольно просты. Они основывались на обычае, здравом смысле, принципе взаимности и касались в основном конкретных случаев нарушения равновесия в группе, вызванных войнами.

В условиях возникновения внутренних вооруженных конфликтов в Африке обучение гуманитарным традициям, основанным на опыте африканских народностей, позволило бы обосновать необходимость повышения культурного уровня и совершенствования практической деятельности для более эффективного соблюдения прав человека.
